

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(47).042–043+22.011

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕЙНО-БОГОСЛОВСКОГО ПОСЫЛА В АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)¹

И. Карвонен

Университет Восточной Финляндии,
факультет географии и истории,
Финляндия

В данной статье на материале житий святых из состава Великих Миней Четых митрополита Макария исследуются идейно-богословские сюжеты в агиографической литературе XVI в. Автор отмечает, что в историографии распространена оценка житийных произведений эпохи митрополита Макария как литературных произведений, созданных с духовно-просветительной целью, герои житий и их безупречная жизнь служат примером для подражания. Жития так называемого Макарьевского периода выполняли задачи политического характера и идеологически были направлены на укрепление Российского государства. Как показывают многочисленные исследования в этой области, такая оценка в целом справедлива. Но, по мнению автора, комплексное изучение агиографических произведений с учетом стабилизации христианско-богословской терминологии на основе междисциплинарного подхода поможет осветить новые, ранее незамеченные черты их воздействия и восприятия социумом на разных исторических этапах.

Ключевые слова: *Великие Минеи Четых (ВМЧ), агиография, теология.*

Формирование Макарьевских Миней длилось около 25 лет. Начатое в Новгороде в 1529–1530-х гг., оно завершилось в Москве, работа над ним продолжалась ещё в 1554 г., когда Макарий был уже всероссийским митрополитом. Известны три чистовых списка (редакции) Великих Миней Четых Макария: Софийский (предназначенный для новгородского Софийского собора), Успенский (для Успенского собора Московского Кремля), Царский (для царя Ивана IV). Выбор «четых» книг обуславливался пред-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Академии Финляндии «*The Integration of the Karelian Periphery in European Society*». No. 14997.

назначением Макарьевских Миней Четых для «душеполезного чтения» и идейного утверждения самодержавного Русского государства XVI в.

Великие Миней Четьи (далее – ВМЧ) изучались и изучаются тщательно и всесторонне. В зависимости от того, на чем именно фокусируются интересы исследователей разных эпох и направлений научной деятельности, варьирует и оценка самого сборника в целом, а также его отдельных произведений.

Литературно-историческое значение сборника, в состав которого вошло огромное число произведений русской оригинальной и переводной литературы, впервые было по достоинству оценено уже в середине XIX столетия, когда Санкт-Петербургской Археографической комиссией была предпринята попытка издания этого одного из самых крупных памятников древнерусской литературы. Первая, сентябрьская книга ВМЧ, вышедшая в 1868 г. в рубрике «Памятники славяно-русской письменности», вызвала интерес в научных кругах. Академик В. О. Ключевский, подчёркивая важность передачи такого рода памятников в общее пользование, нашёл место и для критики. Он, среди прочего, указывает на отсутствие «приличного» введения, а также на некоторые неудобства при пользовании изданием. В целом же, по его словам, «вот памятник, который кроме специально научного интереса может иметь и широкое практическое, образовательное значение в нашем обществе»². К сожалению, приходится признать, что усилиями археографической комиссии изданы были только части с сентября по апрель (в период с 1868 по 1915 г.). Издание Археографической комиссией ВМЧ с обширным корпусом житийных текстов тем не менее не привело к введению в научный оборот выделенного в составе свода ещё В. О. Ключевским цикла житий, составленного под патронажем митрополита Макария. На начало XXI в. ВМЧ полностью в печатном или электронном виде так и не изданы.

Д. С. Лихачев относил собрание сочинений ВМЧ, созданное в середине XVI в., к периоду второго монументализма (в отличие от первого монументализма домонгольской эпохи). Характерной особенностью этого периода, по его мнению, является наличие строгих мировоззренческих истоков. По его однозначной оценке, «... В основном это было 'мировоззренческое чтение', рассчитанное на то, чтобы поднять значение и величие всего происходящего и существующего в мире, подчеркнуть пафосное значение жизни. Из разных эпох и из разных стилей выбиралось и включалось в Великие Миней Четьи всё, что так или иначе было торжественным, монументальным, риторически приподнятым». Поэтому и авторы, вошедших в ВМЧ произведений, виделись Д. С. Лихачёву строго официальными: «Они

² Ключевский В. О. Великие миней-четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Отзывы и ответы. Третий сборник статей. Петроград, 1918. С. 1–18.

Klyuchevskij V. O., *Velikie minei-chet'i, sobrannye vserossijskim mitropolitom Makariem. Otzyvy i otvety. Tretij sbornik statej*, Petrograd, 1918, S. 1–18.

всячески демонстрируют своё правоверие, любят объяснять события в чисто церковном духе, подчёркивают значительность происшедшего и упрямо нагнетают пышность и церемониальность – где только это представляется удобным³».

Развивая мысль академика Д. С. Лихачева, Р. П. Дмитриева пришла к выводу, что главной отличительной чертой агиографической школы митрополита Макария было «прославление святых путём плетения похвалы»: «Созданный в XVI веке стиль 'второго монументализма' был искусственно напыщенным, наполненным риторическими формулами и эклектичен»⁴.

С вышеназванными учеными солидарна и их коллега по отделу древнерусской литературы Пушкинского Дома Н. Ф. Дробленкова. Указывая на огромную составительскую и редакторскую работу, предшествовавшую созданию ВМЧ, она отмечает, что работа эта предполагала весьма существенную идейно-стилистическую переработку всего материала, включенного в ВМЧ, с тем, чтобы изложение было выдержано в едином торжественном и велеречивом стиле «второго монументализма»⁵.

Подходя к историографии изучения непосредственно житийной литературы из состава ВМЧ, констатируем вкратце, что как исторический и литературный источник жития святых из состава ВМЧ наряду с житийной литературой вообще, начиная с середины XIX в. были объектом многочисленных исследований, основополагающим из которых является труд В. О. Ключевского «Жития святых как исторический источник»⁶. Но, несмотря

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973. С. 133–137.

Lihachev D. S., *Razvitie russkoj literatury X–XVII vekov*, L., 1973, S. 133–137.

⁴ Дмитриева Р. П. Агиографическая школа митрополита Макария (на материале некоторых житий) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 208–213.

Dmitrieva R. P., *Agiograficheskaya shkola mitropolita Makariya (na materiale nekotoryh zhitij)*, TODRL, SPb., 1993, T. 48, S. 208–213.

⁵ Дробленкова Н. Ф. Великие Минеи Четии // Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 127.

Droblenkova N. F., *Velikie Minei Chetii*, Slovar' knizhnikov i knizhnosti drevnej Rusi, L., 1988, Vyp. 2, Ch. 1, S. 127.

⁶ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Краткий курс по русской истории. М. 1871. С. 465, Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Составлено по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, 1881. С. 377; Коноплев Н. А. Святые Вологодского края. М., 1898. С. 130; Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 389; Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908; Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 295; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 186; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 304. и др. Klyuchevskij V. O., *Drevnerusskie zhitiya svyatyh kak istoricheskij istochnik. Kratkij kurs po russkoj istorii*, M. 1871, S. 465, Yakhontov I., *Zhitiya sv. severnorusskih podvizhnikov Pomorskogo kraja kak istoricheskij*

на более чем вековой научный интерес и усилия сотрудников Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, чьи текстологические исследования обобщены в изданиях серии «Труды отдела древнерусской литературы», а также в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»⁷ многие жития, до сих пор не имеют научных публикаций или изданы без должного текстологического обоснования.

В силу своей религиозной направленности ВМЧ, безусловно, являются объектом интереса церковных деятелей. Довольно исчерпывающая на конец 1980-х гг. историография по изучению данного памятника представлена в статье игумена Макария (Веретенникова)⁸. Автор обращает внимание на формирование трёх редакций ВМЧ, которые, издаваясь в хронологическом порядке, пополнялись по мере накопления литературного материала. Игумен Макарий приводит некоторые наблюдения о методике работы над ВМЧ и о принципе отбора материала, а также освещают разные направления в изучении вопросов авторства отдельных текстов сборника. Макарий (Веретенников) делает справедливое замечание о том, что в большинстве своём «исследователи рассматривают не комплексно вопросы, связанные с Макарьевскими Минеями, а более частные проблемы одного памятника»⁹.

Обратимся к примерам комплексного изучения ВМЧ в различных областях науки. По своему историко-политическому изысканию наиболее существенным является исследование американского учёного Д. В. Миллера, посвящённое разработке проблемы идейной направленности ВМЧ,

istochnik. Sostavleno po rukopisyam Soloveckoj biblioteki, Kazan', 1881, С. 377; Konoplev N. A., *Svyatyje Vologodskogo kraja*, М., 1898, S. 130; Kadlubovskij A. P., *Oчерки по истории древнерусской литературы житий святых*, Varshava, 1902. S. 389; Yablonskij V., *Pahomij Serb i ego agiograficheskie pisaniya*, SPb., 1908; Serebryanskij N., *Drevnerusskie knyazheskie zhitiya (obzor redakcij i teksty)*, М., 1915, S. 295; Lihachev D. S., *Chelovek v literature Drevnej Rusi*, М., Л., 1958, Т. 3, S. 186; Dmitriev L. A., *Zhitijnye povesti russkogo Severa kak pamyatniki literatury XII–XVII vv. Evolyuciya zhanra legendarno-biograficheskikh skazanij*, L., 1973. S. 304. i dr.

⁷ Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1: XI – первая половина XIV в.; Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1: А–К; Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2: Л–Я.

Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi, Отв. ред. Д. С. Лихачев, Л., 1987, Вып. 1, XI – pervaya polovina XIV v.; Л., 1988, Вып. 2, Vtoraya polovina XIV–XVI v., Ch. 1: А–К; Л., 1989, Вып. 2, Vtoraya polovina XIV–XVI v., Ch. 2: Л–Я

⁸ Макарий (Веретенников) Великие Макарьевские Четьи-Минеи – сокровище духовной письменности Древней Руси // Богословские труды. М., 1989. Сб. 29. С. 106–126.

Makarij (Veretennikov), *Velikie Makar'evskie CHet'i-Minei – sokrovishche duhovnoj pis'mennosti Drevnej Rusi*, Bogoslovskie trudy, М., 1989, Sb. 29, S. 106–126.

⁹ Там же. С. 111.

Ibid, S. 111.

оно было впервые опубликовано в 1979 г.¹⁰ К важнейшим темам Макарьевского сборника, в состав которого помимо житийных произведений включены также богословские и духовно-назидательные творения святых отцов Церкви, он относит утверждение власти Москвы и упрочение её в роли центра христианского мира. По мнению Миллера, в ВЧМ закладывается идеологическая основа, впоследствии определившая направление для развития русского национального самосознания¹¹.

Наряду с изучением идейно-политических аспектов, современные исследователи обращаются к агиографии Макарьевского периода, как к источникам для изучения истории литературы и литературного языка. В качестве примера приведём монографию Т. П. Рогожниковой, вышедшую в 2003 г. На материале житийных текстов цикла исследовательницей выделены стабильные и динамические языковые признаки проявления жанра и стиля, конкретизирующие механизм становления новых форм русского литературного языка XV–XVI вв. Среди прочего Т. П. Рогожникова делает вывод о том, что агиографическая традиция, сложившаяся в эпоху Киевской Руси, при митрополите Макарии актуализируется и развивается в направлении усиления социально-исторического, а в некоторых случаях, как, например, в проявлении святости, и административно-государственного аспекта. Она подчёркивает: «В атмосфере государственного строительства и гармонизации отношений светской власти и церкви понятие о святости уточняется в признаках, исходящих извне, диктуемых реальной исторической действительностью». Важным наблюдением исследовательницы является то, что культурно-историческим основанием действия механизма языковых преобразований, описанного ею в диссертации, является государственное культурно-языковое строительство, с большим размахом и глубиной осуществлённое в XVI в. митрополитом Макарием¹².

Изучению жанра и топика в житийной литературе посвящено исследование Л. Я. Мещеряковой, опубликованное в 2009 г. В работе представлен литературоведческий анализ памятников тверской агиографии указанного периода в контексте истории русской агиографической традиции, в связи с чем топос признается ведущим элементом жития. Изучая модель мировосприятия творческого сознания древнерусского писателя, исследовательница опирается на теорию литературных формаций, предусматривающую три этапа развития сознания: теоцентрический, антропоцентрический, эгоцентрический, из которых этап антропоцентрического мировоз-

¹⁰ Miller D. W. The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia Kniga of Metropolitan Makarii and the origins of russian national consciousness // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin. Wiesbaden, 1979. Bd. 26. S. 263–381.

¹¹ Ibid. S. 270.

¹² Рогожникова Т. П. «Житийные тексты «Макарьевского цикла»: Жанр и стиль. СПб., 2003.

Rogozhnikova T. P., «Zhitijnye teksty «Makar'evskogo cikla»: Zhanr i stil', SPb., 2003.

зрения приходится на период с конца XV в. по 40-е гг. XVII в. Относительно XVI–XVII вв. исследовательница делает вывод, что «В тверской житийной литературе отражена ориентированность создателя жития на определенную читательскую аудиторию (образованное монашество)»¹³.

В последние два десятилетия обострился интерес к истории средневековой культуры в целом и в том числе к книжности как фактору, определяющему поведение человека прошлого. На основании новейших исследований делаются выводы, что ВМЧ митрополита Макария наряду с такими произведениями, как Домострой и Степенная книга, имели важнейший идеологический посыл: их целью было как укрепление государственности, так и стабилизация всех сфер общественной жизни. В связи с этим возникает потребность в междисциплинарном исследовании средневековой книжности.

Взаимосвязь между текстами Макарьевского времени была прослежена в исследовании А. С. Усачева. Предположение о восхождении Степенной книги к ВМЧ автор берёт под сомнение и свои выводы подкрепляет текстологическими данными¹⁴. В дальнейшем А. С. Усачев обращается к комплексному исследованию взаимозависимости текстов определенного периода в монографии (2009 г.). В ней рассматриваются ключевые аспекты в изучении Степенной книги: её датировка, источники, вопрос о личности её составителя, представленные в произведении историко-политические взгляды, а также вопросы о цели написания произведения и его адресате. По определению А. С. Усачева, для авторов первой половины – середины XVI в. Московское царство представлялось островком благочестия в океане «безбожия», поэтому своё основное внимание они фокусируют на фигуре, которая самим Богом была призвана хранить чистоту православия, – верховном правителе. Исследователем делается вывод о том, что реализация крупных литературных проектов времени Макария была немыслима без взаимодействия различных книжных центров, а также активных связей между ними, что и рассматривается в работе.¹⁵

¹³ Мещерякова Л. Я. «Жанр жития в тверской литературе XVI–XVIII веков». Тверь, 2009 // Человек и наука. [Электронное издание]. URL: <http://www.cheloveknauka.com/zhanr-zhitiya-v-tverskoy-literature-xvi-xviii-vekov>. Обращение 7.9.2017.

Meshcheryakova L. Ya., «Zhanr zhitiya v tverskoj literature XVI–XVIII vekov», Tver', 2009, Chelovek i nauka. [Elektronnoe izdanie]. URL: <http://www.sheloveknauka.com/zhanr-zhitiya-v-tverskoy-literature-xvi-xviii-vekov>. Obrashchenie 7.9.2017.

¹⁴ Усачев А. С. Из истории древнерусской книжности времени митрополита Макария: Великие Минеи Четьи и Степенная книга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4(30).

Usachev A. S., *Iz istorii drevnerusskoj knizhnosti vremeni mitropolita Makariya: Velikie Minei Chet'i i Stepenная kniga*, Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2007. № 4(30).

¹⁵ Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. СПб., 2009. С. 760.

Ещё один, но уже не традиционный аспект комплексного изучения средневековых письменных источников, к которым принадлежат и ВМЧ, разработан в диссертации К. С. Емельянова «Канонизация святых русской церкви как объект социологического исследования». Автор обращается к житийной литературе как неотъемлемой составной процесса канонизации святых, и изучает её при помощи социологических методов. Его интересует социально-нравственная деятельность героев житийных повествований. На основе анализа русских святых, К. С. Емельянов приходит к заключению, что что «реальность, представленная в житиях святых, призвана конструировать сознание читателя таким образом, что основной его задачей становится аскетическая деятельность, связанная, в первую очередь, с личной аскезой. Для этого человека важно личное совершенствование, личное спасение. В своей деятельности он должен не щадить себя и своих сил вне зависимости от занимаемого положения в обществе... Он может проповедовать свою веру, а также выступать в роли миротворца. Но самая главное для него – не помощь другим, не проповедь веры или миротворчество, а личная аскеза и аскетические подвиги». Автор констатирует, что жития святых выполняли функцию нравственного воспитания верующих, предлагая в своих повествованиях образцы высоконравственного поведения.

Итак, несмотря на предельно краткий, продиктованный рамками данной статьи обзор научных работ, становится очевидно, что, как раннее, так и современное комплексное изучение письменности Макарьевского периода подтверждают определённую тенденциозность её характера, имеющее отражение в идейно-политическом и нравственно-просветительном аспектах. Положительной стороной является то, что исследования ведутся в историческом, филологическом, культурологическом, источниковедческом, а также социологическом направлениях.

Но, несмотря на разностороннее изучение житийной литературы, богословская терминология, теонимы, троический мотив и догматические формулы, которыми жития изобилуют, остаются востребованными лишь в малой степени¹⁶. К филологическим исследованиям в этой области относятся труды итальянского учёного, слависта Риккардо Пиккио, который неоднократно обращался к проблеме семантического взаимодействия духовного и исторического смыслов в древнерусской литературе. Риккардо Пиккио одним из первых применил на практике интертекстуальный метод

Usachev A. S., *Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya*, SPb., 2009, S. 760.

¹⁶ Хондзинский П. В. К вопросу об источнике цитаты из «жизнеописателя» прп. Сергия Радонежского в лекции кн. Е. Н. Трубецкого «Умозрение в красках» // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. 2014. Вып. 6 (56). С. 9–20.

Hondzinskij P. V., *K voprosu ob istochnike citaty iz «zhizneopisatelya» prp. Sergiya Radonezhskogo v lekcii kn. E.N. Trubeckogo «Umozrenie v kraskah»*, Vestnik PSTGU, Seriya I. Bogoslovie. Filosofiya, 2014, Vyp. 6 (56), S. 9–20.

исследования, видимо, сам об этом не подозревая. Интересно, что Р. Пиккио метод своего исследования определяет как структурный и формальный анализ текстов¹⁷. В своей статье, изданной в 1997 г. в серии *Slavia Hierosolymitana* «Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства», он делает вывод о том, что для православных славянских писателей Священное Писание было не просто источником истины относительно значений слов или словесных конструкций, но оно также представляло собой образец для подражания, т.е. идеал риторического мастерства¹⁸. В своих исследованиях Р. Пиккио анализирует семантически маркированные словесные последовательности, но уделяет внимание в основном только семантически отмеченным риторическим функциям синтаксических структур, которые, по его мнению, служат для «агиографического обрамления» текста¹⁹.

Обратимся к примеру современного лингвистического исследования. Российский филолог А. М. Камчатнов объясняет языковые средства выражения троичности Божества через символическое употребление форм двойственного числа на материале жития преподобного Александра Свирского²⁰. И хотя исследователь привязывает эпизод явления Святой Троицы Александру в 1508 г. к контексту времени написания жития, всё же его интересы в первую очередь лежат в области исследования книжного славянского языка XIV–XVII вв.

Что же касается теологических изысканий, то наиболее близкие по характеру подхода к данной проблеме в большинстве своём, хотя и являются основополагающими в своей области, всё же для тематики данной статьи имеют только косвенное значение, так как не затрагивают субстрата житийной литературы и фокусируются на использовании и понимании христианско-богословской терминологии конкретными личностями, созда-

¹⁷ Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2003. С. 434.

Pikkio R., *Istoriya drevnerusskoj literatury*, М., 2003, S. 434.

¹⁸ Там же. С. 473.

¹⁹ Пиккио Р. Агиографическое обрамление древнерусской повести о князе Петре Муромском и мудрой деве Февронии // Пиккио Риккардо *Slavia Orthodoxa: Литература и язык* / Отв ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; ред. М. М. Сокольская. М., 2003. С. 675–692.

Pikkio R., *Agiograficheskoe obramlenie drevnerusskoj povesti o knyaze Petre Muromskom i mudroj deve Fevronii*, Pikkio Rikcardo, *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk*, Отв ред. N.N. Zapol'skaya, V.V. Kalugin; ред. M.M. Sokol'skaya, М., 2003, S. 675–692.

²⁰ Камчатнов А. М. О символическом употреблении форм двойственного числа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4(30). С. 24.

Kamchatnov A. M., *O simbolicheskom upotreblenii form dvojstvennogo chisla*, *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2007, № 4(30). S. 24.

телями богословских трактатов, а также философами, развивавшими богословские идеи²¹.

Исходя из того, что, по мнению литературоведов, в целом ВМЧ были призваны стабилизировать литературно-языковой узус через создание образцовых текстов, автору данной статьи предстоит в дальнейшем проследить, насколько этот вывод приемлем при наблюдении над стабилизацией христианско-богословской терминологии непосредственно в житийной литературе из состава ВМЧ.

Список литературы:

1. *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973.
2. *Дмитриева Р. П.* Агиографическая школа митрополита Макария (на материале некоторых житий) // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1993. Т. 48.
3. *Дробленкова Н. Ф.* Великие Минеи Четии // Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 127.
4. *Камчатнов А. М.* О символическом употреблении форм двойственного числа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4(30).
5. *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси: в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
6. *Макарий (Веретенников)* Великие Макарьевские Четьи-Минеи – сокровище духовной письменности Древней Руси // Богословские труды. М.: издание Московской Патриархии, 1989. Сб. 29. С. 106–126.
7. *Ликкио Р.* История древнерусской литературы. М.: Издательство «Круг», 2002.
8. *Усачёв А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. СПб.: Альянс-Архео, 2009.
9. *Хондзинский П. В.* К вопросу об источнике цитаты из «жизнеописателя» прп. Сергия Радонежского в лекции кн. Е. Н. Трубецкого «Умозрение в красках» // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. 2014. Вып. 6 (56). С. 9–20.
10. *Kotiranta Matti* Persoona perikoreesina. Vladimir Losskyn kolminaisuuskäsitys ja sen suhde palamistiseen perinteeseen ja venäläiseen uskonnonfilosofiaan // Suomalaisen teologisen kirjallisuusseuran julkaisuja, № 197, Helsinki, 1995.
11. *Miller D. W.* The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia Kniga of Metropolitan Makarii and the origins of russian national consciousness // For-

²¹ *Kotiranta Matti* Persoona perikoreesina. Vladimir Losskyn kolminaisuuskäsitys ja sen suhde palamistiseen perinteeseen ja venäläiseen uskonnonfilosofiaan // Suomalaisen teologisen kirjallisuusseuran julkaisuja, № 197, Helsinki, 1995, S. 446.

schungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin. Wiesbaden, 1979. Bd. 26. S. 263—381.

ABOUT STUDY OF IDEOLOGICAL-THEOLOGICAL EPISTLE IN AGIOGRAPHICAL LITERATURE OF THE FIRST HALF OF XVI CENTURY (TO FORMULATION THE PROBLEM)

I. Karvonen

University of Eastern Finland, Faculty of geography and history, *Finland*

In this article, on the material of the lives of the saints from the Great Mineyas of Metropolitan Macarius, the ideological and theological subjects in the 16th century hagiographic literature are explored. The author notes that in the historiography there is a widespread assessment of the works of life of the era of Metropolitan Macarius as literary works created with a spiritual and educational purpose, the heroes of lives and their flawless life serve as an example for imitation. The lives of the so-called Makariievsky period performed tasks of a political nature and were ideologically aimed at strengthening the Russian state. As numerous studies in this area show, such an assessment is generally fair. But, according to the author, a comprehensive study of hagiographic works, taking into account the stabilization of Christian theological terminology on the basis of an interdisciplinary approach, will help illuminate new, previously unnoticed features of their influence and perception by society at different historical stages.

Keywords: *Great Minees Chetya (VCH), hagiography, theology.*

Об авторе:

КАРВОНЕН Ирина – доктор теологии, факультет географии и истории, Университет Восточной Финляндии

About the authors:

KARVONEN Irina – Doctor of Theology, Project Researcher, Department of Geographical and Historical Studies, University of Eastern Finland.

References

- Dmitriev L. A., *Zhitijnye povesti russkogo Severa kak pamyatniki literatury XII–XVII vv. Evolyuciya zhanra legendarno-biograficheskikh skazanij*, L., Nauka, 1973.
- Dmitrieva R. P., *Agiograficheskaya shkola mitropolita Makariya (na materiale nekotoryh zhitij)*, Trudy Otdela drevnerusskoj literatury, Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom), Otv. red. D. S. Lihachev, SPb., 1993, T. 48.

- Droblenkova N. F., *Velikie Minei Chetii*, Slovar' knizhnikov i knizhnosti drevnej Rusi, L., 1988, Vyp. 2, Ch. 1.
- Kamchatnov A. M., *O simvolicheskom upotreblenii form dvoystvennogo chisla*, Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki, 2007, № 4(30).
- Lihachev D. S., *Chelovek v literature Drevnej Rusi*, v 3 t., M., L., Izd-vo AN SSSR, 1958.
- Макариј (Veretennikov), *Velikie Makar'evskie Chet'i-Minei – sokrovishche duhovnoj pis'mennosti Drevnej Rusi*, Bogoslovskie Trudy, M., izdanie Moskovskoj Patriarhii, 1989, Sb. 29, S. 106–126.
- Pikkio R., *Istoriya drevnerusskoj literatury*, M., Izdatel'stvo «Krug», 2002.
- Usachyov A. S., *Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya*, SPb., Al'yans-Arheo, 2009.
- Hondzinskij P. V., *K voprosu ob istochnike citaty iz «zhizneopisatelya» prp. Sergiya Radonezhskogo v lekcii kn. E. N. Trubeckogo «Umozrenie v kraskah»*, Vestnik PSTGU, Seriya I, Bogoslovie. Filosofiya, 2014, Vyp. 6(56), S. 9–20.

Статья поступила в редакцию 10.04.2019 г.